АКАДЕМИЯ НАУК СССР • ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

1

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

1986

ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1957 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Член-корр. АН СССР **Жилин П. А., Тинин А. Л.** Изучение проблем военной истории 3

Виноградов В. Н. «1918 год у румын» глазами Запада 17

Татаринцев В. М. Политика Англии в Африке (70-е — начало 80-х годов) 35

Могильницкий Б. Г. Американская «психоистория»: претензии и реальность 49

80-летие РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг. В РОССИИ

Бутурлов Р. В., Кравченко С. А. К критике современной буржуазной историографии первой российской революции 63

Краснов И. М., Кравченко И. Н. Прогрессивная Америка и революционные события в России (1905—1907 гг.) 74

ОБМЕН МНЕНИЯМИ, ДИСКУССИИ

Исламов Т. М., Фрейдзон В. И. Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе 83

НЕМЕРКНУЩИЕ ОБРАЗЫ ПРОЛЕТАРСКИХ БОРЦОВ

Ястржембский С. В. Бенто Гонсалвеш — видный организатор Португальской коммунистической партии 97

ВОСПОМИНАНИЯ

Кутаков Л. Н. Нейтралитет или военный союз с США? Япония на рубеже 60-х годов. 110

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

Академик **Минц И. И.** Мировой империализм против Страны Советов 122

Альперович М. С. Испаноамериканец при дворе Екатерины II. Поиски документов о Франсиско де Миранде в советских архивах . . . 144

Лабутина Т. Л. Даниель Дефо, автор «Робинзона Крузо». Его общественно-политические воззрения 156

ОБЗОРЫ НАУЧНЫХ СБОРНИКОВ ВУЗОВ

Копычев Н. И. Межвузовский сборник по истории международных отношений 168

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» • МОСКВА

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

АМЕРИКАНСКАЯ «ПСИХОИСТОРИЯ»: ПРЕТЕНЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Выдвинутая в партийных документах задача усиления наступательной борьбы против буржуазной идеологии требует от советских ученых пристального критического внимания к новым явлениям в западном обществоведении и тенденциям их развития. Марксистско-ленинская оценка этих тенденций необходима не только для воссоздания целостной картины современного состояния буржуазной общественной мысли, но и для определения наиболее эффективных путей критики буржуазной идеологии, питаемой этой мыслью.

Среди других отраслей буржуазного обществоведения заметная модернизация затронула и историческую науку, выразившись главным образом в усилении внимания к ее методологическим аспектам. В конечном итоге это явление отражает стремление буржуазной исторической науки поднять свой социальный статус, повысить свое значение в защите и пропаганде основных ценностей капиталистического общества.

Важным средством в достижении этой цели стала так называемая сциентизация (от английского science — наука) буржуазной историографии. На смену преобладавшим в 20—50-е годы субъективистско-агностицистским взглядам, отрицавшим за историей статус науки, пришло признание ее способности получать объективно значимое знание о своем предмете. При этом былое противопоставление естественнонаучного и исторического познания сменилось утверждением их близости и даже необходимости заимствования историей методов естественных наук [1].

В какой мере отмеченные явления позволяют говорить о методологическом перевооружении буржуазной историографии? Способна ли сциентизация преодолеть кризис буржуазной историографии и таким образом привести к созданию действительно «новой» истории, о чем широковещательно объявляют ее приверженцы?

Ответы на эти вопросы имеют немаловажное значение для повышения действенности марксистско-ленинской критики буржуазной историографии. Но очевидно, что их точность и убедительность зависят от того, насколько детализированным является изучение современного состояния буржуазной историографии. При этом необходимо критически проанализировать на конкретном историографическом материале динамику раз-

---

[1] О современных тенденциях в развитии методологических основ буржуазной исторической мысли см.: *Салов В. И.* Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977; *его же.* Революционный процесс и современная буржуазная историография.— Новая и новейшая история, 1981, № 1; *Афанасьев Ю. Н.* Историзм против эклектики. М., 1980; *его же.* Фернан Бродель и его ви́дение истории.— Новая и новейшая история, 1985, № 5; *Болховитинов Н. Н.* США: проблемы истории и современная историография. М., 1980; *Данилов А. И.* Проблема континуитета в историографии ФРГ.— Вопросы истории, 1981, № 3; «Круглый стол»: о соотношении понятий «цивилизация» и «культура» в свете марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях.— Новая и новейшая история, 1983, № 4, и др.

вития именно тех исторических дисциплин, в которых наиболее ярко проявляются модернизаторские тенденции.

К таким дисциплинам принадлежит «психоистория», представляющая собою развернутое приложение метода психоанализа к изучению истории. О возрастающем значении «психоистории» в системе современного буржуазного исторического знания пишут ученые, по собственным взглядам весьма от нее далекие и даже относящиеся к ней более или менее критически. Так, английский исследователь Дж. Барраклоу, рассматривая главные тенденции развития современной буржуазной исторической мысли, считает возникновение «психоистории» одним из самых примечательных явлений, характеризующих ее нынешнее состояние. Он отмечает скептическое отношение к ней многих историков, но тем не менее признает необходимость обращения к психоанализу для изучения «иррациональных, подсознательных сил», влияющих на исторические события и особенно ярко проявляющих себя «в периоды социальных волнений и стрессов» [2].

Обращает на себя внимание быстрота распространения «психоисторических» исследований в буржуазной науке. Если еще во второй половине 60-х годов в общих обзорах, посвященных новейшим тенденциям западной исторической мысли, о них даже не упоминалось [3], то в аналогичных работах 70-х — начала 80-х годов «психоистория» характеризуется как одна из исторических дисциплин, воплощающих в себе существенные тенденции развития всего исторического знания на Западе. Показательны в этом отношении книга американского историка Р. Е. Беринге ра [4] и обобщающее исследование по истории исторической науки профессора Бостонского университета Э. Брейзаха [5]. Несмотря на критическую оценку современного состояния «психоистории», авторы видят в ней одно из наиболее важных явлений современной западной историографии.

Следует, однако, отметить неравномерность распространения «психоисторических» исследований в разных национальных историографиях. Если, например, в ФРГ вплоть до настоящего времени дело практически ограничивается рассуждениями о возможностях применения психоанализа к изучению истории и его границах [6], то в США «психоисторические» исследования получили широкий размах.

«Психоисторическая» проблематика прочно утвердилась на страницах американской научной периодики. Соответствующие публикации появляются более чем в 60 журналах самого разного профиля — от исторических до медицинских, включая выходящие с 70-х годов два специальных издания — «Джорнэл оф психохистори» и «Психохистори ревю». «Психоистория» быстро проникает в американскую высшую школу. Уже в конце 70-х годов примерно в 30 крупных колледжах и университетах читались курсы по этой дисциплине (по некоторым данным, в каталогах американских колледжей и университетов их зафиксировано свыше 200) историками, получившими предварительную подготовку в специальных психоаналитических институтах. В ряде университетов, в частности в таких известных, как Принстонский и Бостонский, осуществляется подготовка докторских диссертаций по «психоистории». По всей стране

---

[2] *Barracklough J.* Main Trends in History. New York — London, 1978, p. 65—68.

[3] См., например: The New History. Trends in Historical Research and Writing Since World War II. New York — Evanston, 1967.

[4] *Beringer R. E.* Historical Analysis: Contemporary to Clio's Craft. New York, 1979.

[5] *Breisach E.* Historiography: Ancient. Medieval. Modern. Chicago—London, 1983, p. 337—347.

[6] См., например: *Wehler H.-U.* Zum Verhältnis von Geschichtswissenschaft und Psychoanalyse.— Geschichte und Psychoanalyse. Köln, 1971. Подробнее об отношении к психоанализу в историографии ФРГ см.: *Ким С. Г.* Обсуждение в западногерманской историографии 70-х гг. проблемы историко-биографического жанра.— Вопросы всеобщей истории и историографии. Томск, 1984.

работают «группы прикладного психоанализа», в которых заметная роль принадлежит историкам [7].

Таким образом, «психоистория» в США превращается в университетскую дисциплину, занимающую видное место в современной буржуазной историографии. При этом приверженцы «психоистории» с редкой настойчивостью рекомендуют ее как дисциплину, ориентированную на решение самых актуальных социально-практических задач американского общества. Так, редакторы претендующего на программный характер сборника «Виды психоистории» Дж. Крен и Л. Раппопорт, провозглашая во введении к сборнику полезность «единственной абсолютной ценностью современной науки» и определяя «наш век как век терапии», выдвигают «психоисторию» на роль врачевательницы буржуазного общества [8].

Эти претензии отнюдь не остаются в сфере спекулятивных рассуждений, о чем свидетельствует выходящий в США поток «психоисторической» литературы. Переходя в исследовательскую практику, они в значительной степени определяют ее общий теоретический уровень и идейную направленность.

Все это обусловливает необходимость разностороннего критического анализа «психоисторических» исследований, тем более, что без их учета сегодня уже нельзя до конца понять ни современного состояния американской буржуазной историографии, ни, главное, общих тенденций развития американской социальной мысли.

В этом направлении советскими историками проделана значительная работа. Ее начало было положено В. И. Саловым, опубликовавшим еще в 1972 г. статью, позднее вошедшую в качестве отдельной главы в его монографию, посвященную критике современной буржуазной исторической науки [9]. Впервые в советской литературе В. И. Салов дал общий очерк распространения психоанализа в буржуазной историографии, раскрыл классовый смысл и идейную направленность этого явления. Отмечая, что психоанализ в наши дни распростер свое влияние на многие сферы духовной жизни буржуазного общества, в частности и на историю, автор специально подчеркивал: «Особенно глубоко психоаналитическая болезнь поразила историческое мышление в США» [10].

В содержательной статье К. С. Гаджиева и Н. В. Сивачева [11], обстоятельно характеризующей новейшие явления в американской буржуазной историографии, связанные с ее сциентизацией и выражающиеся в развитии междисциплинарных исследований, авторы уделили большое внимание «психоистории», определив ее как «одно из важнейших направлений междисциплинарного подхода в исторической науке США». Они раскрыли несостоятельность теоретических принципов, на которых основывается

---

[7] Общую характеристику современного состояния «психоистории» в США см.: *Mazlish B.* Reflections on the State of Psychohistory.— Psychohistory Review, 1977, v. 5, № 4, p. 3; *Lawton H. W.* Psychohistory Today and Tomorrow.— The Journal of Psychohistory, 1978, v. 5, № 3, p. 325—356; *Loewenberg P.* Psychohistory. — The Past Before Us. Contemporary Historical Writing in the United States. Itaca — London, 1980, p. 413—414; *idem.* Decoding the Past: The Psychohistorical Approach. New York, 1983.

Среди причин, способствовавших быстрому распространению психоанализа в США, исследователи не без основания указывают на его соответствие американскому образу жизни с присущим ему культом индивидуализма. См.: *Turkle Sh.* Psychoanalytic Politics Freud's French Revolution. Cambridge (Mass.), 1978, p. 7; *Gleason Ph.* Identifying Identity: A Semantic History — The Journal of American History, 1983, v. 69, № 4, p. 926.

[8] Varieties of Psychohistory. New York, 1976, p. 3—5.

[9] *Салов В. И.* Вторжение психоанализа в буржуазную историографию.— Новая и новейшая история, 1972, № 4; *его же.* Историзм и современная буржуазная историография, гл. III.

[10] *Салов В. И.* Историзм и современная буржуазная историография, с. 110.

[11] *Гаджиев К. С., Сивачев Н. В.* Проблемы междисциплинарного подхода к «новой научной» истории в современной американской буржуазной историографии.— Вопросы методологии и истории исторической науки, вып. 2. М., 1978.

«психоистория», отметив вместе с тем определенные возможности психоанализа в историческом исследовании. Отдельные аспекты «психоисторических» исследований рассматриваются и в ряде других работ советских авторов [12].

Вместе с тем в советской историографии до настоящего времени нет сколько-нибудь систематического критического исследования «психоистории» как особой дисциплины в рамках буржуазной историографии. Своеобразным показателем явно недостаточного интереса к этой дисциплине является почти полное отсутствие всякого упоминания о ней в новейших обобщающих работах, рассматривающих современное состояние буржуазной исторической науки (за исключением упомянутой выше книги В. И. Салова).

Существуют разногласия в определении самой дисциплинарной принадлежности «психоистории». Некоторые авторы рассматривают ее как особую ветвь исторической психологии, предметом которой является «реконструкция с максимально возможной полнотой человеческого облика прошлого» [13]. Характеризуя американскую «психоисторию» как самое молодое, но очень активное направление психолого-исторических исследований на Западе, они практически сводят ее содержание к изучению психологии личности в различные исторические эпохи и оценивают под этим углом зрения достигнутые ею результаты [14].

Такое изучение действительно составляет один из аспектов «психоисторических» исследований, но далеко не исчерпывает их содержание. И теоретические суждения «психоисториков», и, в особенности, их практические работы свидетельствуют об усилиях, направленных прежде всего на объяснение исторической действительности, прошлой и настоящей. Сама личность интересует «психоисторика» именно потому, что является фактором исторического действия. Другими словами, мы имеем дело с выраженной исторической (а не психологической) дисциплиной, претендующей на решение своими специфическими средствами тех же задач, какие решает историческая наука в целом. Иной вопрос, насколько это решение является правомерным.

В настоящей статье предпринимается попытка ответить на этот вопрос путем выяснения прежде всего того, в какой мере соответствуют действительности претензии «психоисториков» на создание с помощью психоанализа подлинной научной истории человеческого общества.

Советские философы и психологи в своих трудах, подвергая убедительной критике основы психоанализа, развенчивая его притязания на роль общенаучного метода и даже мировоззренческой доктрины, вместе с тем раскрывают значение самой проблематики бессознательного, определяя его действительное место в психике человека и указывая соответственно на определенные возможности, которые представляет психоанализ — при

---

[12] *Рахшмир П. Ю.* Социологические и психологические интерпретации фашизма.— Методологические и историографические вопросы исторической науки, вып. 11. Томск, 1976; *Кашин Р. Г.* Неофрейдистские интерпретации истории германского фашизма в современной буржуазной историографии США.— Германское рабочее и демократическое движение в новейшее время, вып. 5. Вологда, 1977; *Якимова Е. В.* Критика неофрейдистской концепции человека Э. Г. Эриксона.— Вестник Московского университета, сер. 7. Философия, 1980, № 5; *Николаева И. Ю.* Проблемы социальной революции в американской буржуазной «психоистории».— Актуальные проблемы современной идеологической борьбы. М., 1982; *Сухотина Л. Г.* Проблемы русской революционной демократии в современной английской и американской буржуазной историографии. Томск, 1983, с. 140—157; *Гульбин Г. К.* Об эволюции идейно-теоретических основ американской «психоистории» фашизма.— Методологические и историографические вопросы исторической науки, вып. 17. Томск, 1984, и др.

[13] *Белявский И. Г., Шкуратов В. А.* Проблемы исторической психологии. Ростов-на-Дону, 1982, с. 220.

[14] Там же, с. 127—140.

условии критического подхода к его исходным установкам — для расширения научного понимания мотивов человеческой деятельности [15].

Обращаясь непосредственно к критическому рассмотрению попыток американских авторов использовать психоанализ в историческом исследовании, из которых выросла современная «психоистория», сразу же подчеркнем, что вплоть до настоящего времени в рядах самих «психоисториков» нет согласия относительно понимания природы и методологического инструментария своей дисциплины. Более того, в их среде остается дискуссионным вопрос, является ли «психоистория» самостоятельной исторической дисциплиной или же она представляет собой лишь особый исследовательский подход в рамках единой исторической науки [16].

Показательно в этой связи, что один из самых влиятельных представителей американской «психоистории» профессор Калифорнийского университета П. Левенберг в обобщающем очерке, характеризующем ее развитие в 70-х годах, определяет «психоисторию» то как «один из новейших методов исторического исследования», комбинирующий исторический анализ с моделями социальной науки [17], то как «самостоятельную дисциплину, близкую к истории, но все же отличную от нее в своих поисках бессознательного и его проявления» [18], то, наконец, как «новую историческую субдисциплину» [19].

Очевидно, что такая терминологическая неопределенность не может быть сведена к субъективным качествам мышления того или иного историка. За ней скрывается тот объективный факт, что, несмотря на рост на Западе «психоисторических» исследований в последние два десятилетия, «психоистория» как особая ветвь исторического знания еще окончательно не конституировалась. Тем не менее представляется возможным рассматривать ее как историческую дисциплину, хотя еще и не вполне сложившуюся. Основание для этого дает в первую очередь сама «психоисторическая» практика, объектом которой является историческая деятельность человека в ее многообразных проявлениях. Авторы «психоисторических» исследований своими специфическими средствами пытаются выявить движущие силы исторического процесса, обнажить причины тех или иных существенных исторических событий, т. е. охватывают круг именно тех проблем, которые решаются исторической наукой.

Мы можем, следовательно, определить «психоисторию» как историческую дисциплину, пытающуюся путем выявления бессознательных детерминант поведения исторической личности, а также различных общностей (социальных, национальных, расовых и пр.), раскрыть существенное содержание исторических событий и целых эпох.

Следует оговориться, что психоанализ отнюдь не исчерпывает методологического инструментария «психоисториков». В своих исследованиях они все чаще обращаются и к другим методам, собственно историческим. В особенности это относится к влиятельному интеграционистскому течению в современной американской «психоистории», стремящемуся сочетать в исследовательской практике психоанализ с социально-историческими методами познания. При этом, однако, у всех «психоисториков», включая интеграционистов, обращение к бессознательному остается доминантой

---

[15] См.: *Шерозия А. Е.* К проблеме сознания и бессознательного психического, т. 1. Тбилиси, 1969; *Добреньков В. И.* Неофрейдизм в поисках «истины» (иллюзии и заблуждения Эриха Фромма). М., 1972; *Ярошевский М. Г., Анцыферова Л. И.* Развитие и современное состояние зарубежной психологии. М., 1974; *Лейбин В. М.* Психоанализ и философия неофрейдизма. М., 1977; Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Под общей ред. А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. В. Бассина, т. I. Тбилиси, 1978; *Рощин С. К.* Западная психология как инструмент идеологии и политики. М., 1980, и др.

[16] Дискуссию об этом см.: The Journal of Psychohistory, 1975, v. 3, № 1.

[17] *Loewenberg P.* Psychohistory, p. 408.

[18] Ibid., p. 410—412.

[19] Ibid., p. 413.

их исследовательского подхода. Вследствие этого всякое суждение о научных возможностях «психоистории» упирается в оценку познавательного потенциала исторического психоанализа, его способности давать действительно новое знание об истории.

Очевидная трудность такой оценки заключается в практической неразработанности методической процедуры верификации (проверяемости) «психоисторических» свидетельств, вследствие чего представляются сомнительными и получаемые на их основе результаты [20]. Не случайно в рамках интеграционистского течения осуществляется переориентация в исследовательской методике с детского опыта на взрослое состояние, позволяющая строить выводы на более серьезной источниковой основе (дневники, переписка, мемуары и т. п.). Как раз на этом пути «психоисторики» достигли определенных результатов, в частности, в изучении Американской революции XVIII в., которые связаны главным образом с освещением проблемы формирования психологии революционного поколения [21]. Эти результаты обусловливают известный интерес к психоанализу и со стороны ученых, не являющихся собственно «психоисториками», но использующих его в изучении отдельных частных вопросов.

Иное дело, когда с помощью психоанализа пытаются решать глобальные проблемы истории. Чем более претенциозной является та или иная апеллирующая к сфере бессознательного «психоисторическая» концепция, тем сомнительней представляются эмпирическая база, на которой она основывается, и, следовательно, постулируемые ею положения. В качестве примера сошлемся на выдвинутую одним из самых активных американских «психоисториков» Л. де Мозе «психогенетическую теорию истории», которую он без лишней скромности объявляет «новой парадигмой для изучения истории» [22].

«Теория» де Мозе основывается на положении, что характер психогенетического взаимоотношения между матерью и ребенком является первопричиной важнейших исторических событий, составляющих эпоху в жизни общества. Никакими серьезными аргументами это положение не мотивируется. Между тем из него делаются весьма ответственные выводы. Исходя из эволюции взаимоотношений между родителями и детьми, де Мозе выдвигает последовательное биопсихическое истолкование исторического процесса. Выделяя несколько типов таких взаимоотношений, тоже, кстати говоря, без соответствующего эмпирического обоснования, он усматривает в их последовательной смене решающий источник глобальных исторических изменений [23].

«Центральной силой изменений в истории,— утверждает де Мозе,— является не технология, не экономика, а психогенетическое изменение в личности, происходящее в результате последовательного взаимодействия поколений родителей и детей» [24]. Американский «психоисторик» настой-

---

[20] См. об этом: *Izenberg G.* Psychohistory and Intellectual History.— History and Theory, 1976, v. XV, № 1, p. 139.

[21] *Burrows E., Wallacy M.* The American Revolution: The Ideology and Psychology of National Liberation.— Perspectives in American History, v. VI. Harvard, 1972; *Jordan W. D.* Familial Politics: Thomas Paine and Killing of the King, 1776.— The Journal of American History, 1973, v. LX, № 2; *Lynn K. A.* Divided People. Westport (Conn.), 1977.

[22] *Mause L. de.* The Evolution of Childhood.— Varieties of Psychohistory, p. 161.

[23] Ibid., p. 160—161. Любопытным примером конкретно-исторического приложения этой концепции является предлагаемая де Мозе интерпретация Американской революции XVIII в. По его убеждению, причины последней, равно как и формирования американской нации вообще, коренятся в сложившемся в Новом Свете типе отношений между родителями и детьми, характеризующемся особой эмоциональной близостью между ними, что привело к появлению здесь нового «психовида» (*Mause L. de.* The Formation of the American Personality Through Psychospreciation.— The Journal of Psychohistory, 1976, v. 4, № 1).

[24] *Mause L. de.* The Evolution of Childhood, p. 125.

чиво прокламирует антимарксистскую направленность своих взглядов, отмечая, что «эволюция отношений между родителями и детьми создает независимый источник исторических изменений». Причины же такой эволюции носят спонтанный характер и являются «независимыми от социальных и технологических изменений» [25].

Конечно, далеко не все «психоисторические» построения обладают столь претенциозным характером, как «психогенетическая теория истории». Тем не менее она представляется показательной для надежд, связанных в буржуазной науке с обращением метода психоанализа к изучению явлений общественной жизни.

Как известно, уже основоположник психоанализа З. Фрейд претендовал на общенаучную и даже общемировоззренческую значимость разработанного им метода психотерапии [26]. Ссылаясь на письма З. Фрейда к своему другу В. Флиссу, в которых он признавался, что его действительной жизненной целью было не столько лечить больных, сколько решать великие культурные и исторические задачи человечества путем создания общей психологии душевной жизни для применения ее ко всей амплитуде существования человека во времени, американский «психоисторик» Б. Мэзлиш утверждает, что «психоистория» является осуществлением мечты Фрейда [27].

Здесь важно подчеркнуть не только авторитетное признание фрейдистской природы современной «психоистории», в каких бы модификациях она сегодня ни выступала, но и, в особенности, ее честолюбивые притязания, в свете которых мы и обязаны подходить к ее общей характеристике. Другими словами, согласно собственным представлениям «психоисториков» о задачах и возможностях своей дисциплины, ее следует оценивать в первую очередь не по отдельным частным результатам, а по концептуальным построениям, претендующим на общеметодологическую значимость.

Как бы ни расходились во мнениях представители различных течений в современном социальном психоанализе, как бы их взгляды по тем или иным частным вопросам ни отличались от взглядов самого Фрейда, все они едины в основном — претензии на разработку универсального метода познания явлений общественной жизни на основе психоанализа. В этом своем качестве психоанализ искусственно выдвигается его адептами на роль главной альтернативы марксизму-ленинизму как общему методу социального познания [28].

Верное в отношении всех разновидностей социального психоанализа, это положение, обоснованное французским философом-марксистом Л. Сэвом, как мы могли убедиться на примере «психогенетической теории» де Мозе, полностью относится и к «психоистории». Пусть и не в столь выраженной форме, как у де Мозе, претензии «психоисториков» на общемировоззренческое значение их метода присутствуют практически во всех их рассуждениях. Именно это должно определять наш подход к данной дисциплине.

Прежде всего подчеркнем откровенный идеализм «психоисторических» построений. Их распространение в американской буржуазной историографии свидетельствует о расширении ее идеалистических основ, усилении антимарксистской направленности. Апелляция к душе человека и происходящим там процессам — вот что противопоставляется историческому

---

[25] Ibidem.

[26] Показательно, что З. Фрейду принадлежит одна из ранних попыток (предпринятая совместно с американским историком У. Буллитом) использовать психоанализ в истории — в работе о президенте Вудро Вильсоне.— *Freud S., Bullit W.* Thomas Woodrow Wilson. Twenty-eighth President of the United States. A Psychological Study. Boston, 1967. Книга написана в 30-е годы.

[27] *Mazlish B.* Reflections on the State of Psychohistory, p. 11.

[28] См.: *Сэв Л.* Психоанализ и исторический материализм.— В кн.: *Клеман К. Б., Брюно П., Сэв Л.* Марксистская критика психоанализа. М., 1976, с. 218—220.

материализму. «В конечном счете,— заявляет американский «психоисторик» П. Монако,— история есть летопись человеческой души». Развивая это положение, он всей логикой своих рассуждений утверждает, что только в такой интерпретации история способна достигнуть «наиболее вероятного приближения к тому, что, как и почему было в прошлом» [29].

Первоочередная необходимость исследования того, «что, как и почему было в прошлом», равно как и авторское положение о том, что «история есть человеческое прошлое», не могут вызвать возражения. Тем удивительнее выводы, которые делаются из этих посылок. Историю как человеческое прошлое Монако противопоставляет истории как «прошлому событий, институтов и экономических систем», будто возможно существование одного вне другого! Обнажая подлинную направленность своих рассуждений, Монако утверждает, что ответы на вопросы «как» и «почему» нельзя найти в сфере социальных отношений, современных институтов или политических и экономических структур, ибо они содержатся в человеческой голове. «Вопрос о социальных классах, например, есть вопрос сознания»,— считает он. Его сущность американский «психоисторик» усматривает в том, «как и почему классовое сознание... влияет или не влияет на индивидуума и группу». Таким образом, «история всегда является психологической, так как ее динамика коренится в индивидуальном поведении» [30].

Едва ли нужно распространяться о том, что такие представления в конце XX в. звучат анахронизмом даже для буржуазного исторического мышления. Никак не продвигая понимание закономерностей общественного развития в целом, они в то же время означают существенный шаг назад и в осмыслении роли личности в истории. В психологической интерпретации ви́дения мира личность оказывается стоящей над обществом, а в известном смысле слова и над историей, поскольку наиболее существенные побуждения, определяющие ее поведение, усматриваются внутри личности, а само это поведение трактуется как двигатель социально-исторических перемен.

Правда, очевидный ретроградный характер подобных представлений вынуждает значительную часть «психоисториков» к определенному их пересмотру. Переосмыслению подвергается как раз вопрос о взаимоотношениях личности и общества. Но как бы далеко оно ни заходило, неизменным остается приоритет личностного начала над социальным.

Свидетельством тому является исследовательская практика ведущего американского «психоисторика»-интегрициониста Э. Эриксона. Имя этого ученого окружено в американской историографии необычайным пиететом. Он считается признанным классиком «психоистории» [31]. Тем важнее присмотреться к тому, как в его трудах решается проблема взаимоотношения личности и общества.

В отличие от ортодоксального фрейдизма Эриксон исходит из представления о взаимовлиянии личности и общества в процессе социальной эволюции. Он говорит о «метаболизме поколений», имея в виду, что социальный процесс формирует отдельную личность и все поколение в целом и, в свою очередь, переформировывается ими [32]. В соответствии с этим Эриксон стремится показать историческую обусловленность деятельности

---

[29] *Monaco P.* Psychohistory: Independence or Integration.— The Journal of Psychohistory, 1975, v. 3, № 1, p. 127.

[30] Ibid., p. 128.

[31] Об Эриксоне см.: *Coles R.* Erik H. Erikson. The Growth of His Work. Boston — Toronto, 1970; *Roazen P.* E. H. Erikson: The Power and Limits of Vision. New York, 1976; Encounter with Erikson: Historical Interpretation of Religious Biography. Missoula, 1977; *We nstein F.* On the Social Function of Intellectuals: A Consideration of Erik H. Erikson's Contribution to Psychoanalysis and Psychohistory.— New Directions in Psychohistory. The Adelphi Papers in Honor of Erik H. Erikson, 1980, и др.

[32] *Erikson E. H.* Young Man Luther. New York, 1958, p. 253—254.

Лютера или Ганди, развитие их личности под влиянием социальной действительности, равно как и, конечно, обратное влияние — личности на окружающий ее мир. Его широко известная на Западе книга о Лютере оценивается как труд, революционизировавший психологию[33].

Посмотрим, насколько в действительности можно говорить о «революционизации» Эриксоном «психоисторической» дисциплины в главном — в решении ею вопроса о природе взаимоотношений между личностью и обществом. Сразу же подчеркнем, что, сколько бы американский ученый ни писал об их взаимовлиянии, исходной методологической установкой для него при этом остается фрейдистское положение о психопатологических детерминантах поведения исторической личности [34]. Именно они и становятся преимущественным объектом его исследовательского интереса, поднимаясь до ранга определяющей силы истории.

В центре внимания Эриксона — взаимоотношения между внутренним миром личности и окружающей социальной действительностью. И хотя он, как правило, отмечает влияние этой последней на формирование личности, исходным — и основополагающим — моментом анализа все же остается сама личность с ее неврозами и травмами. «Кризис идентичности» [35] такой личности предстает важнейшим двигателем общественного развития. В соответствии с этим все усилия ученого в его «психоисторических» исследованиях направлены на то, чтобы «установить, как великая личность в процессе поисков самой себя и формирования своего характера может создать характер целого исторического периода» [36].

Именно такова трактовка американским «психоисториком» формирования молодого Лютера. В ней присутствует социально-исторический аспект, хотя и весьма ограниченный: Эриксона занимает социальное происхождение Лютера в контексте миграции немецкого средневекового крестьянства. Однако все это служит не более, чем фоном, предваряющим психоаналитическое исследование мотивов, побудивших будущего реформатора к разрыву с католической ортодоксией. Прослеживая истоки «кризиса идентичности» своего героя, Эриксон в полном соответствии с фрейдистскими канонами усматривает их в конфликте с отцом, следствием чего стал уход сына в монастырь, где мучительные размышления над вопросом, как согласовать подчинение воле земного отца и отца небесного, выливаются в углубление этого кризиса. Лютер провозглашает новый тип отношений с небесным отцом, основанный на вере без посредничества церкви. Так, по логике Эриксона, он приходит к созданию новой религии, ставшей идеологией целой исторической эпохи [37].

Другими словами, новомодное «психоисторическое» исследование приходит практически к тому же выводу, который уже давно прокламировался немецким идеалистическим историзмом. «Реформация,— формулирует этот вывод один из послевоенных его представителей Г. Геймпель,— имела только одну причину: религиозную потребность монаха Мартина Лютера» [38]. По существу исследование Эриксона является психоаналитическим обоснованием этого вывода. Так на субъективно-идеалистической основе происходит своеобразная встреча вчерашнего и сегодняшнего дня буржуазной науки.

---

[33] *Mazlish B.* Reflection on the State of Psychohistory, p. 5.

[34] *Erikson E. H.* On the Nature of «Psycho-Historical» Evidence.— Life History and the Historical Moment. New York, 1975, p. 123.

[35] Кризис «идентичности» — т. е. соответствия человека его сущности — один из основных вопросов изучения проблемы личности в современной психологии и социологии. Подробнее о понятии «кризис идентичности» («кризис в процессе самоопределения») см.: *Гаджиев К. С., Сивачев Н. В.* Указ. соч., с. 151, прим. 137.

[36] Там же, с. 150—151.

[37] Критический анализ эриксоновской концепции Лютера см.: *Николаева И. Ю.* Э. Эриксон — пионер «психоистории».— Методологические и историографические вопросы исторической науки, вып. 15. Томск, 1982, с. 26—29.

[38] *Heimpel H.* Der Mensch in seiner Gegenwart. Göttingen, 1957, p. 139.

Здесь особенно зримо выступает творческое бесплодие методологических исканий современной буржуазной исторической мысли. Вынужденная в поисках выхода из кризиса отказываться от наиболее одиозных представлений, господствовавших в ее прошлом, вроде взгляда на историю как арену произвольного творчества великих людей, пытающаяся в эпоху научно-технической революции поднять статус истории как науки, обладающей объективно проверяемыми исследовательскими методами, она в конечном итоге все время возвращается «на круги своя».

Широко прокламированное обновление методологического инструментария буржуазной историографии сколько-нибудь заметно не затрагивает ее коренных теоретических принципов, прежде всего идеалистического понимания истории. Вследствие этого методологические «находки» американских буржуазных историков, как, впрочем, и их европейских коллег, представляют собою, за редким исключением, не более, чем подновление обветшавшего здания. Вот почему претензии на модернизацию буржуазной исторической науки закономерно оборачиваются возвращением к ее исходным мировоззренческим посылкам. Иначе и быть не может. Только радикальное переосмысление самой природы исторического процесса и, соответственно, предмета и задач исторического исследования может вести к действительному обновлению буржуазной исторической науки. Но как раз этот путь невозможен для буржуазной науки в целом и всех ее новейших течений.

Между тем «психоисторики» претендуют именно на радикальную модернизацию буржуазной историографии, связывая с психоанализом самое будущее исторического познания. Даже наиболее умеренные из них, кто, подобно Левенбергу или Монако, не выводит «психоисторию» за рамки собственно истории, усматривают в ней главное средство обновления историографии. «Психоистория лучше, чем кто-либо, может поднимать новые вопросы, переосмысливать старые и возбуждать дебаты о том, что такое история вообще»,— утверждает П. Монако. Процессы, являющиеся предметом историографии XX в., суть, по характеристике Монако, «бытие, сформированное реакциями индивидуального и коллективного ума на материальные условия, с которыми он сталкивается». Поэтому именно «психоистория» способна проследить и объяснить эти реакции, используя для своих обобщений материал, поставляемый традиционной историографией. В итоге он приходит к выводу, что «психоистория знаменует собою новую фазу в развитии исторической науки» [39].

Наряду с этим, однако, бытует взгляд, противопоставляющий историю и «психоисторию». Так, де Мозе пытается обосновать точку зрения, согласно которой в наши дни рождается «совершенно новая дисциплина — психоистория», отличающаяся от всех других, уже сложившихся дисциплин, в том числе и от истории. Погрязшей в академической схоластике и чрезмерной специализации, поверхностной истории он противопоставляет молодую динамичную науку, проникающую в глубины человеческой психики и таким образом постигающую законы, которые управляют не только поведением отдельной личности, но и историческим процессом в целом [40].

В своем неприятии традиционной историографии де Мозе не одинок. На проведенной в 1981 г. на страницах «Джорнэл оф психохистори» дискуссии о предмете и функциях «психоистории», где он прямо отрицал какой-либо рациональный смысл в деятельности историков [41], прозвучали и заявления, что история — не более, чем фантазия, иллюзия, призванная дать человеку призрачную надежду в окружающем его тревожном

[39] *Monaco P.* Psychohistory..., p. 128—130.

[40] *Mause L. de.* Psychohistory: The New Science.— The Journal of Psychohistory, 1975, v. 3, № 1.

[41] The Psychohistory of History. A Symposium.— The Journal of Psychohistory, 1981, v. 8, № 3, p. 263—264.

мире. Утверждалось, будто общественный интерес к этой науке пробудился всего лишь около 500 лет назад как результат специфического образа жизни Запада, а сейчас профессия историка вообще идет к своему концу [42]. Эти высказывания представляют собой законченную антиисторическую позицию, которая не только не встретила сколько-нибудь серьезного возражения в ходе дискуссии, но и получила в ней дальнейшее развитие. В единственном выступлении на дискуссии (редактора журнала Д. Бэйзела) прозвучала мысль о плодотворности изучения прошлого для настоящего, но и она фактически была дезавуирована его утверждением, будто настоящее тиранически детерминировано «силой как нашего детского опыта, так и нашего бессознательного» [43].

Едва ли можно сомневаться, что подобные рассуждения усиливают враждебное отношение традиционных историков к «психоистории», на которое постоянно жалуются приверженцы последней, ибо они демонстрируют их воинствующий антиисторизм, да и элементарное невежество. Как можно, например, говорить о том, что общественный интерес к истории пробудился только 500 лет назад, если уже в античности сложилась устойчивая историографическая традиция, отвечавшая настоятельным общественным потребностям и получившая высокое социальное признание в известном изречении: «история — наставница жизни»!

Конечно, мы имеем здесь дело с «крайностями» «психоисторического» подхода к истории, но им уделяется столь значительное внимание потому, что они особенно рельефно высвечивают действительную природу «психоистории», за какими бы словесными ухищрениями она ни скрывалась. В самом деле, сколько бы ни говорили «психоисторики»-интеграционисты о необходимости обогащения психоанализа социально-историческими методами исследования и даже приближения «психоистории» к собственно исторической проблематике, остается незыблемой сама основа, на которой постулируется это сближение. Раскрывая ее, Эриксон указывает на близость, якобы существующую между историком и клиницистом и заключающуюся в общности их исследовательских интересов [44].

Эта общность состоит в интересе к иррациональным пластам психики человека, якобы детерминирующим его поведение. Но апелляция именно к ним по существу сводит на нет все попытки придать «психоистории» благопристойный вид в глазах традиционных историков.

Показателен в этом отношении уже цитировавшийся очерк П. Левенберга «Психоистория». Опубликованный в книге, специально изданной Американской исторической ассоциацией к XV Международному конгрессу исторических наук и воссоздающей широкую панораму исторических исследований в США в 70-х годах, этот очерк самим фактом своего присутствия здесь является своеобразным выражением попыток узаконения «психоистории» в рамках официальной историографии. Автор настойчиво акцентирует историческую природу «психоистории», рекомендуя ее как один из новейших методов исторического исследования. Он пространно рассуждает о ее прогрессирующем сближении с историей, даже склоняясь при этом, в отличие от большинства своих коллег, к признанию вспомогательного характера «психоистории» для исторической науки: «Психоистория снабжает историков новым инструментом для анализа их данных и интерпретацией сложных форм человеческого поведения в прошлом» [45].

Как же, однако, сам автор характеризует этот «инструмент», в чем он видит его значение для исторического познания? Ответ на эти вопросы представляется поучительным для понимания того, что действительно несет «психоистория» исторической науке.

---

[42] Ibid., p. 259—261.
[43] Ibid., p. 267—268.
[44] *Erikson E. H.* On the Nature of «Psycho-Historical» Evidence, p. 113—114.
[45] *Loewenberg P.* Psychohistory, p. 432.

Рассматривая вклад «психоисториков» в развитие современной исторической мысли, а обоснованию значимости этого вклада по существу и посвящен очерк, Левенберг акцентирует внимание читателей на иррациональных началах в человеческом поведении, а следовательно, и в истории вообще. Провозглашая иррациональный «базис человеческого поведения и действия», он постулирует иррациональность самого исторического процесса, являющегося продуктом деятельности человека. А это означает, что «психоисторический» подход, нацеленный на объяснение иррационального в истории, выступает как главный, а отнюдь не вспомогательный в историческом исследовании, и только с его помощью оказывается возможным пойти дальше простого событийного повествования, осмыслить глубинные факторы исторического действия.

Здесь нужно оговориться. Левенберг и в своих теоретических построениях и в исследовательской практике указывает на взаимодействие индивидуального и социального и даже подчеркивает значение генетического подхода, требующего изучения этого взаимодействия в исторической ретроспективе, связывающей современную действительность с личным и социальным прошлым. Но все дело в том, что речь идет о взаимодействии в сфере бессознательного. Более того, сама эта сфера интерпретируется «психоисториками» весьма своеобразно. Для них это прежде всего сфера всевозможных психотравм. Ведь «психоистория» вышла из психоанализа как метода лечения больных. Печать этого происхождения она несет до сих пор, поскольку наиболее разработанной частью психоанализа является именно психопатология [46]. Неслучайна поэтому медицинская терминология, широко употребляемая «психоисториками».

Причем речь идет не только о «психоисториках» — ортодоксальных фрейдистах, но и об интеграционистах, восстающих против одностороннего фрейдистского подхода к истории. Тот же Левенберг, подчеркивая схожесть клинического и исторического методов, заявляет: «Историки исследуют прошлые человеческие действия, мысли и мотивы. Это — то же, что психоаналитики исследуют у своих пациентов» [47].

Положение принципиально не изменяет обращение интеграционистов от изучения отдельных личностей к большим группам. Ибо и в данном случае речь идет о психотравмах, только уже не личности, а группы — социальной, возрастной или национальной. Примером тому может служить трактовка Левенбергом захвата власти фашизмом в Германии. Сошлемся на его пространную статью о массовом нацистском молодежном движении, которую он сам рекомендует как пример воплощения методологической связи между универсальными моделями бессознательного и социальной средой [48].

В этой статье действительно уделяется внимание социальным реалиям Германии 1910—1920-х годов, способствовавшим распространению нацистских идей и захвату Гитлером власти. Рисуется картина экономических бедствий и связанных с ними социальных стрессов, обрушившихся на молодежь и искусно использовавшихся в своих целях фашистскими демагогами. Однако главное внимание автор сосредоточивает на «психоисторических» корнях нацистского молодежного движения и корни эти усматриваются в психопатологии целого поколения немецкой молодежи.

Еще дальше Левенберг идет в другой своей работе, обвиняя в психическом расстройстве уже всю германскую нацию. Германская культура, утверждает он, институализировала параноидальные позиции и их удовлетворение, что обеспечило ведущее положение параноидного типа в нации

---

[46] См.: *Anderson J. W.* The Methodology of Psychological Biography.—The Journa of Interdisciplinary History, 1981, v. XI, № 3, p. 461.

[47] *Loewenberg P.* Psychohistory, p. 410—411.

[48] *Loewenberg P.* The Psychohistorical Origins of the Nazi Youth Cohort.— The American Historical Review, 1971, v. 76, № 5.

независимо от социальных классов, из которых она состояла, и исторических периодов [49].

Таким образом, переход от психоанализа отдельной личности к изучению больших групп при сохранении фрейдистских позиций не вносит никаких существенных корректив в общее «психоисторическое» понимание истории. Психопатология, пусть и на групповом уровне, по-прежнему остается главным фактором исторических перемен. В свете этого следует оценивать претензии «психоисториков»-интеграционистов «заполнить пробел» между фрейдизмом и марксизмом. Левенберг указывает на широкое распространение исследований по истории детства и семьи, а также коллективных биографий, которые, по его убеждению, воплощают будущее исторической науки, поскольку семья и малая группа выступают как посредствующие звенья между социальными классами и отдельными личностями. «Экономическое и национальное сознание индивидов,— утверждает Левенберг,— формируется в критические периоды жизни, когда психические образцы передаются бессознательно — в семье. Следовательно, психологическая история семьи, детства и поколений может представить решающее психоисторическое звено между Фрейдом и Марксом, между микро-индивидуальным уровнем и макроуровнем — социально-экономической сценой в каждую эпоху истории» [50].

Так в новом обличье мы встречаемся с давно обнаружившей свою несостоятельность и весьма живучей в буржуазной литературе попыткой «дополнить» марксизм фрейдизмом [51]. Хотя точнее следовало бы говорить не о «дополнении», а о противопоставлении фрейдизма марксизму. Ибо постулируемое Левенбергом «решающее психоисторическое звено» призвано выхолостить сущностное содержание марксистско-ленинских научных категорий. В самом деле, что остается от той же упоминаемой американским «психоисториком» категории «социальный класс» в ее марксистском понимании, если его положение в обществе коренится не в материальных условиях жизни, а в психотравмах, опосредующих эти условия? Так прокламируемый «психоисторией» вклад в историческую науку на деле оборачивается «вкладом» в борьбу с материалистическим пониманием истории.

Мы, следовательно, могли убедиться не только в несостоятельности претензий «психоистории» на сциентизацию истории, но и в ее антиисторизме, приводящем в своих крайних выражениях к прямому разрыву с исторической наукой. «Психоистория» в целом оказалась неспособной вывести буржуазную историографию из переживаемого ею кризиса. Более того, объективно она способствует его дальнейшему углублению.

В этой связи представляется небезынтересным сравнение двух программных документов Американской исторической ассоциации, составляющих своеобразные вехи, в хронологических рамках которых практически заключено все развитие «психоистории» в США. В 1957 г. тогдашний глава Американской исторической ассоциации У. Лангер в своем президентском послании указал как на ближайшую настоятельную задачу, стоявшую перед историками, на необходимость овладения ими методами психоаналитической интерпретации истории [52]. Спустя четверть века другой президент АИА Б. Бейлин в аналогичном послании признал крах надежд, возлагавшихся на «психоисторическое» обновление истории [53].

Образной иллюстрацией такого отношения к «психоистории» может служить характеристика этой дисциплины, принадлежащая американ-

[49] *Loewenberg P.* Psychohistorical Perspectives on Modern German History.— The Journal of Modern History, 1975, v. 47, № 1, p. 258—260.

[50] *Loewenberg P.* Psychohistory, p. 431.

[51] Новейшую критику этих попыток см.: *Браун К. Х.* Критика фрейдо-марксизма. К вопросу о марксистском снятии психоанализа. М., 1982.

[52] *Langer W.* The Next Assignment.— The American Historical Review, 1958, v. 63, № 2, p. 303.

[53] *Bailyn B.* The Challenge of Modern Historiography.— The American Historical Review, 1982, v. 87, № 1, p. 20.

скому буржуазному историку, профессору Гарвардского университета Л. Стоуну и определяющая ее как «пустыню, усеянную обломками тщательно изготовленных дорогих аппаратов, поломавшихся вскоре после их запуска» [54]. При всей метафорической заостренности этой характеристики она справедлива в главном. «Психоистория» не оправдала возлагавшихся на нее буржуазной наукой ожиданий, и сегодня это констатируется практически всеми историками, касающимися данного сюжета.

Для большинства историков остается неприемлемой основополагающая посылка «психоисториков» о возможности с помощью методики, разработанной для лечения психических больных, объяснять исторический процесс в его существенных моментах. Так, Л. Стоун, признавая необходимость использования во всяком серьезном историческом исследовании психологического объяснения человеческого поведения, вместе с тем предостерегает против абсолютизации значения такого объяснения. Он решительно отвергает претензии придать концепции человеческого поведения, базирующейся на клинических данных, универсальный характер и перенести ее на историю, равно как и «кавалерийский подход» «психоисториков» к источникам [55]. Д. Стеннерд подчеркивает фиаско попыток трансформации исторической науки на «психоисторический» лад [56].

Вопреки широковещательным обещаниям, «психоистория» не только не смогла повысить общий научный потенциал современной буржуазной историографии, но и, напротив, способствовала его явному понижению, выразившемуся прежде всего в оживлении субъективистских и иррационалистических представлений.

Более того. Усилия, осуществляемые под флагом создания «новой научной» истории, оборачиваются утратой ряда позитивных качеств буржуазного историзма. Это, в частности, относится к методам формальной критики исторических источников. Многие ответственные выводы «психоисториков» делаются на практически не верифицируемом материале. И чем более широкими являются такие выводы, тем, как правило, у́же их источниковая база. Впрочем, здесь есть своя закономерность. Выдвижение спекулятивных теорий неизбежно сопровождается пренебрежительным отношением к их источниковому обоснованию.

Итак, мы должны констатировать, что усиленно прокламируемое обновление буржуазной историографии на «психоисторической» базе не состоялось. Имеются все основания утверждать обратное. Психоаналитические интерпретации истории еще более усугубляют негативные черты современного буржуазного исторического мышления. И дело здесь не только в их научном уровне. Четко показанная уже первыми советскими критиками «психоистории» реакционная направленность большинства ее построений усиливает присущую сегодня буржуазной историографии в целом консервативно-охранительную окраску. Это необходимо учитывать при общей оценке «новой научной» истории, органическим разделом которой является «психоистория».

Практика «психоисторических» исследований требует дифференцированного подхода к определению возможностей психоанализа в изучении истории. Очевидно, возможно использование его в качестве одной из вспомогательных методик в изучении определенных исторических сюжетов при обязательном условии выработки строго научных критериев верификации психоаналитических свидетельств. Не менее очевидно, однако, и другое — претензии психоанализа на роль ведущего метода в историческом познании идейно и научно несостоятельны. Они являются выражением тщетных попыток буржуазных идеологов выработать некую альтернативу материалистическому пониманию истории.

---

[54] *Stone L.* The Past and the Present. Boston — London—Henley, [1981, p. 86.

[55] *Stone L.* The Past and the Present, p. 40—41.

[56] *Stannard D. E.* Shrinking History. On Freud and the [Failure of Psychohistory. New York — Oxford, [1980, p. XVI.